

Т.К. Ховрина

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА И ИХ СЛАВЯНО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

В статье анализируются славяно-русские соответствия иноязычных слов, приемы их толкования в ярославском экземпляре Тезауруса Герасима Влаха (четырёхязычного ново- и древнегреческо-латино-итальянского лексикона), изданного в Венеции в 1659 г., рукописный перевод которого был осуществлен в конце XVII – начале XVIII в. Исследуются описательные переводы, одной из причин которых могло быть отсутствие в языке того времени адекватного эквивалента иноязычным словам оригинала. Рассматривается освоение лексических заимствований русским языком в XVIII в., формирование научной терминологии.

Историческая лексикология и лексикография, семантика, переводные словари, словарная статья, заимствованная лексика.

Одним из неперенных источников пополнения лексического состава языка являются заимствования. Проблема лексических заимствований неизменно возникала на разных исторических этапах развития русского языка, но особенно актуальной она становится в XVIII веке – в эпоху непрекращающихся и интенсивных языковых контактов. В такой период «появление иноязычной номинативной единицы на любом участке семантического пространства служит, как правило, импульсом, вызывающим контрноминацию силами языка родного» [2, с. 5], поэтому для языковой ситуации XVIII в. особую важность приобретает вопрос о взаимоотношении иноязычных новаций с исконным словарем. При этом исследователи подчеркивают, что при диахроническом рассмотрении процесса заимствования «теоретически важным представляется определение крайних точек процесса: время заимствования и время освоения заимствованного (превращения “чужого” в “свое”» (Там же, с. 10).

Особое место в изучении заимствованной лексики XVIII в. занимают лексикографические источники этого времени. Иностранные слова в русском языке – один из постоянных и традиционных объектов лексикографирования, они широко представлены в Азбукниках XVI–XVII вв. (см.: [3]). Существенную роль в выяснении вопроса о лексической сопоставимости и эквивалентности играют, в частности, иноязычно-русские словари, созданные в XVIII в. Состав таких словарей для Петровской эпохи традиционен: в переводимой или толкуемой их части обычно представлены языки латинский, греческий, немецкий, голландский (ср. «Лексикон трёхязычный» Ф. Поликарпова (1704 г.), Русско-голландский и голландско-русский лексикон Я. Брюса (1717 г.) и появившийся несколько позднее в 1731 г. Немецко-латино-русский лексикон Э. Вейсмана), так как именно с них в большинстве своем делаются переводы в это время. Ценность словарей такого рода состоит в том, что их русская (славянская) часть «позволяет судить о системе русских соответствий словам иноязычным в понимании

современников» [2, с. 65]. Объектом нашего рассмотрения являются иноязычные слова и способы их передачи в переводных словарях начала XVIII века.

К числу лексикографических памятников Петровской эпохи относится и Тезаурус Герасима Влаха (четырёхязычный ново- и древнегреческо-латино-итальянский лексикон), изданный в Венеции в 1659 г. (Γερασίου Βλάχου Θησαυρός... τετραγλωσσος). Экземпляр этого словаря, хранящийся в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника, содержит рукописный перевод всех словарных статей на книжно-славянский (поздний церковнославянский) язык конца XVII – начала XVIII в. Владельческая запись (датирована 1714 г.) свидетельствует о том, что он принадлежал видному переводчику, справщику Московского Печатного двора, носителю высокой книжной образованности конца XVII – начала XVIII в. Алексею Кирилловичу Барсову (1673–1736). Славянские соответствия вписаны в Лексикон Влаха двумя лицами, одним из авторов славянского перевода и его редактором, как показал текстологический анализ памятника, и был А.К. Барсов [5, с. 92–95].

Перевод иноязычных слов осуществлен в ярославском экземпляре словаря путем подбора к ним одного или ряда славянских соответствий, синонимичных или семантически сближенных, способных выступать в качестве их равносильной замены. Таким образом, наш источник относится к тому типу переводных (дву- и многоязычных) словарей, культивировавшихся в России XVII – первой трети XVIII в., в которых совокупность значений слова-оригинала передавалась «совокупностью переводов» [4, с. 73]. Подобным образом организованы словарные статьи в «Лексиконе трёхязычном» Ф. Поликарпова. Русские переводчики стремились по возможности передать славянскими средствами иноязычные слова, этим и объясняется присутствие в славянской части нескольких эквивалентов вокабулам Влаха. Е.Э. Биржакова отмечает, что характерной особенностью иноязычно-

русских словарей XVIII в. «была попытка представить в русской части весь возможный ассортимент русских соответствий и возможных способов передачи смысла слова чужого языка» [1, с. 176].

В славянском переводе Лексикона Влаха представлены не только однословные номинации, отдельные лексемы, но и описательные конструкции. Одной из причин описательного перевода могло быть отсутствие в языке того времени адекватного эквивалента иноязычным словам, называющим некоторые реалии. Нередко им становилось впоследствии заимствованное слово. Обратимся к таким словарным статьям нашего источника и рассмотрим, как шел поиск межъязыковых лексических соотношений, причем следует иметь в виду, что непосредственным объектом перевода в нем были несомненно греческие и латинские слова оригинала. Так, греч. *φουλαχτάρι*, лат. *amuletum* ‘амулет, талисман’ переведены следующим образом: *хранение, врачба от всякаго зла*. В данном случае семантика иноязычных лексем, называющих конкретный предмет, передана описательно, здесь присутствуют деривационные образования с абстрактным значением, характерные для книжно-славянских текстов. Славянизм *врачба* в значениях ‘лечение, врачевание, исцеление недугов’ и ‘лекарство’ представлен в древнеславянских памятниках письменности (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 102), в первом значении он зафиксирован, в частности, в старославянской Супрасльской рукописи XI в. (СС, с. 123). Во втором значении ‘лекарство’ эта лексема включена в «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова, ср.: *Врачба, ..medicamentum, remedium, antidotum* (ЛП, л. 61). В XVIII в. данное слово уже употребляется редко (СРЯ XVIII, вып. 4, с. 126).

Наименование *амулет* ‘предмет, носимый на теле как магическое средство против болезней, несчастий и т.п., талисман’ заимствуется (из лат. *amuletum* непосредственно и через франц. *amulette*) только в середине XVIII в., его появление документировано 1751 г. Слово зафиксировано, в частности, в «Словаре коммерческом, содержащем познание о товарах всех стран...», переведенном с французского языка в 1787 г.: *Древние вырезывали на них <камнях> амулеты, или род талисманов, и нашивали повесивши на шею... от мороваго поветрия* (СРЯ XVIII, вып. 1, с. 61).

В двух словарных статьях Лексикона Влаха, следующих одна за другой, даны названия гранатового дерева и его плодов, ср.: *родіа, punicа, зернисто яблоко; рбді, malus punicus*, итал. *romo granato*, *плод его*. В первом переводе представлена атрибутивная конструкция (ср. лат. *granatus* ‘зернистый’), а во втором дана отсылка к нему (ср. лат. *malum granatum* ‘гранатовое яблоко, гранат’). Лексема *гранат* в начале XVIII в. еще только осваивалась русским языком. Она зафиксирована, в частности, в 1707 г. в переписке Петра I: *На дереве гранате яблоко поспело, и я, сняв, послал до вашего величества* (СРЯ XVIII, вып. 5, с. 219). Здесь, как видим, присутствует иноязычное наименование дерева, а его плод по ассоциации с другим фруктом назван яблоком без уточняющего определения. В другом источнике «Описание книги сея государства китайского или хинского» (1731 г.), где речь соответственно идет о «чужой» реалии, пред-

ставлено название самого фрукта: *Около тех городов родится всякои овиць, а наипаче лимоны и помаранцы, яблоки и гранаты* (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 122). Ср. толкование лексемы *гранат* в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: ‘*punica granatum*, деревцо и плод южных стран’ (Сл. 1847, т. 1, с. 288). Употребление лексемы *зернистый* ‘состоящий из зерен, содержащий их (о плодах злаковых и др. растений)’ в сочетании с названием плода гранатового дерева находим в конце XVIII столетия в «Творениях» М.М. Хераскова, ср.: *Приманчивы плоды на древе сем висят, Зернистых красный вид имеющи гранат* (СРЯ XVIII, вып. 8, с. 176). По мнению этимологов, слово *гранат* ‘дерево и плод *Punica granatum*’ заимствовано из нем. *Granat* (*apfel*), которое восходит к лат. *romum granatum* (Фасмер, т. 1, с. 452).

В некоторых случаях русские переводчики, исходя из своих знаний о том или ином предмете, явлении и т. п., дают более развернутое толкование вокабул Влаха. Так, греч. *катарті*, лат. *malus* ‘мачта’ первоначально были переведены описательно: *дерево на корабле на нем же парус ставится*. А.К. Барсов дополняет перевод словами *слемя, ядрило*, наименованиями мачты, свойственными церковнославянскому языку. Оба слова включены в Словарь 1847 г. с пометой «церк.» (Сл. 1847, т. 4, с. 146, 480). Кроме того, поскольку греческое слово имеет и второе значение ‘парус’, Барсов вписывает еще несколько возможных славянских соответствий: *опона, парус, ветрило, платно*. Таким образом, даже название конкретного предмета передается рядом синонимичных лексем.

В конце XVII – начале XVIII в. морской термин *мачта*, заимствованный из голландского *mast* непосредственно и через нем. *Mast*, пол. *maszt*, еще только входил в употребление, и существовали два варианта данного наименования женского рода *мачта* (*машта*) и мужского *мачт* (*машт*) (СРЯ XVIII, вып. 12, с. 98). Вариант *машта* отмечен в документах Петра I (1696 г.), ср.: *Если которой капитан какія вести услышитъ... про неприятеля... фонарь на маште да поставитъ* (СлРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 50). Другой вариант *мачт* представлен в материалах для истории русского флота начала XVIII в.: *У нас на едином корабли мачт неприятели ранили, токмо еще стоит, а нельзя парусов на тот мачт для погоды распуцать* (СРЯ XVIII, вып. 12, с. 98).

Материальная форма слова «в пору его вхождения в новую языковую среду» обычно многообразно варьируется, отмечают исследователи словарного состава русского языка XVIII века [2, с. 12]. Вариант мужского рода включен в «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова, ср.: *Маштъ, шогло, malus* (ЛП, л. 167). В Русско-голландском лексиконе Я. Брюса (1717 г.) даны две формы: *Машт корабельной, щегло. Mast; Машта, или щегло*; ср. в Немецко-латинорусском лексиконе Вейсманна (1731 г.): *Mastbaum, malus, машта, маштовое дерево, шогла* [2, с. 124]. Во всех приведенных словарных статьях лексиконов начала XVIII в. присутствует лексема *щегла* (*щегло*) – русское наименование мачты. Оно включено в «Словарь Академии Российской» (1806–1822 гг.) со следующим подробным описанием называемой им реалии: «*Щегла*. Высокое и толстое бревно, одним кон-

цем среди корабля стоймя укрепленное, к верхнему концу которого протянуты от носу и кормы веревки для поднимания парусов. *Иначе называется мачта*» (САР, ч. 6, с. 1390). Лексема *мачта* также присутствует в САР, но она подана как новое слово, ср. словарную статью: **Мачта**. Нем. Щегла. *Зри сие слово* (Там же, ч. 3, с. 721), т. е. здесь указан источник заимствования, но отсылка дается к слову, ранее существовавшему в русском языке.

Материалы переводной части Лексикона Влада проливают свет на формирование научной терминологии русского языка, в частности медицинских терминов. Так, греч. *πλευρίτις*, лат. *Pleuritides* переданы лексемой *бокоболение*. Данный перевод раскрывает историю становления в русском языке термина *плеврит*. Плеврит – воспаление плевры, тонкой оболочки, покрывающей легкие и выстилающей внутренние стенки грудной полости. Характерными признаками этого заболевания являются колющая боль в грудной клетке, связанная с дыханием, кашель, одышка и др. (СЭС, с. 1024). Греческое и латинское слова, называющие это заболевание, как видим, переведены в нашем источнике сложением *бокоболение*. Подобным образом толкуются названные слова и в других словарях XVII – начала XVIII в., содержащих книжно-славянскую лексику, ср. в «Лексиконе латинском» Е. Славинецкого: *pleuritis*, *бокоболие* (ЛЛ, с. 319). В «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова представлены две словарные статьи: *Боковая болезнь*, *πλευρίτις*, *pleuritis* (ЛП, л. 30); а следующая за ней статья с заглавным словом *бокоболение* дана с отсылкой «тоже».

Происхождение данных композит с первым компонентом *бок-*, несомненно, связано с греч. *πλευρά*, *πλευρόν* ‘бок’. Греческое *πλευρίτις* (-ις) воспринималось переводчиками как «боль в боку» (ср. лат. *pleuritis* ‘колотё в боку’), поэтому и появились наименования *бокоболение*, *бокоболие*, *боковая болезнь*. В практике XVIII в. (в переводных источниках), как известно, были текстовые пояснения к новым или недостаточно знакомым словам. В «Книге систима или состояние мухаммеданския религии» Д. Кантемира, переведенной с латинского (1722 г.), употреблено слово *плевра*, которое снабжено комментарием, ср.: *Иные... утверждают, аки бы он <Мухаммед> чрез семь дней плеврою [болением боков] немоществовав, от той болезни... в другии седмыи день умре* (СРЯ XVIII, вып. 20, с. 17–18). В данном источнике не только впервые зафиксирован неологизм XVIII в. *плевра* ‘воспаление плевры; плеврит’ (происходит от ср.-лат. *pleura*), предшественник современного термина *плеврит*, но и дано его объяснение словосочетанием, аналогичным приведенным выше наименованиям.

Лексема *бокоболение* в СРЯ XVIII в. толкуется как ‘боль в боку’ и иллюстрируется единственным примером из исследования Ригера «О воздухе», переведенного с латинского в 1744 г.: *В бокоболении трудные одышка, и больше в грудях давит, ежели студеныя, сухие, распустившиеся ветры долго будут веять* (СРЯ XVIII, вып. 2, с. 95). Судя по названным здесь признакам болезни, речь опять идет о плеврите, хотя в СРЯ XVIII в. не уточнено название заболевания. Таким образом, сфера употребления слова *бок-*

боление и представленных выше словосочетаний ограничивается источниками переводного характера. В XVIII веке, по данным СРЯ XVIII в., лексема *бокоболение* утрачивается. Термин *плеврит* впервые был употреблен в Большой энциклопедии под ред. С.Н. Южакова (изд. 1901–1909 гг.), лексикографическую фиксацию слово получило в Словаре иностранных слов 1937 г. (БАС, т. 17, с. 51–52).

Проанализированные материалы, таким образом, показывают, что вхождение иноязычных номинаций в принимающую языковую среду представляет собой сложный процесс, неизменно сопровождающийся творчеством. В процессе переводческой деятельности могли возникать «временные» славяно-русские соответствия иноязычных слов, которые впоследствии утрачивались. Рассмотренные материалы лексикографических источников отражают этапы освоения лексических заимствований русским языком, проливают свет на формирование научной терминологии в XVIII веке.

Источники

БАС – Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Т. 17. – Санкт-Петербург: Наука, 2011.

ЛП – Поликарпов, Ф.П. Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище / Ф.П. Поликарпов. – Москва, 1704.

ЛЛ – Славинецкий, Е. Лексикон латинский / Е. Славинецкий // Лексикон латинский Е. Славинецкого. Лексикон словено-латинский Е. Славинецкого та А. Корецкого-Сатановского. – Київ: Наукова думка, 1973.

САР – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. – Санкт-Петербург, 1806–1822.

Сл РЯХI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. – Москва: Наука, 1975–2019 (издание продолжается).

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. – Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).

Сл. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук: в 4 т. – Санкт-Петербург, 1847.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1979.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – Москва: Русский язык, 1994.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева. – Москва: Прогресс, 1986–1987.

Литература

1. Биржакова, Е. Э. К вопросу об источниках Словаря русского языка XVIII в. / Е. Э. Биржакова // Русская лексикография XVIII века. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – С. 168–180.

2. Биржакова, Е. Э. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования / Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. – Ленинград: Наука, 1972. – 431 с.

3. Ковтун, Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность) / Л. С. Ковтун. – Ленинград: Наука, 1989. – 296 с.

4. Кутина, Л. Л. Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) / Л. Л. Кути-

на // Словари и словарное дело в России XVIII в. – Ленинград : Наука, 1980. – С. 70–89.

5. Ховрина, Т. К. Лексикографическая деятельность справщиков Московского печатного двора / Т. К. Ховрина // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института

лингвистических исследований РАН / ответственный редактор Н. Н. Казанский. Том 5. Часть 3. Русский язык конца XVII – начала XIX века (Вопросы изучения и описания). Сборник 3. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – С. 92–103.

Т.К. Khovrina

**FOREIGN WORDS AND THEIR SLAVIC-RUSSIAN EQUIVALENTS
IN TRANSLATION DICTIONARIES OF THE EARLY 18TH CENTURY**

The article considers the Slavic-Russian equivalents of foreign words and the methods of their interpretation in the Yaroslavl copy of Thesaurus by Gerasim Vlach (Old and Modern Greek-Latin-Italian lexicon) published in Venice in 1659. The manuscript translation of the Thesaurus was carried out at the end of the 17th and the beginning of the 18th centuries. The article investigates descriptive translations, which were used due to the absence in the language of that time adequate equivalents of foreign words. The author examines the development of lexical borrowings into Russian in the 18th century and formation of scientific terminology.

Historical lexicology and lexicography, semantics, translation dictionaries, dictionary entry, borrowed vocabulary.